

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ, 1902 – 1922 ГГ.

“Вы, правительственные люди, называете дела революционеров злодействами и великими преступлениями, но они ничего не делали и не делают такого, чего бы вы не делали в несравненно большей степени ... \Вы\ ничего другого не можете найти сказать в свое оправдание, кроме того, что “они начали, они убивают - давайте и мы будем убивать их”.

Л. Н. Толстой. “Не могу молчать”. 1908 г.

Россия вступила в XX в. с сохранением помещичьего землевладения при крестьянском малоземелье, с выкупными платежами крестьян за “освобождение” от крепостного права, с политическим господством помещиков в деревне, с крестьянским бесправием, доходившим до административной (без суда) высылки из родных мест и даже телесных наказаний – прямого пережитка крепостного рабства. Сохранение крепостнического насилия над деревней, промедление с проведением давно назревших социально-экономических реформ делало неизбежным революционный взрыв.

Русское общество ожидало социального взрыва давно, весь XIX в., свидетельств чему много, начиная с творчества А. Пушкина, пронизанного верой в свободу, в падение “оков” и “самовластия”, но и сознанием опасности “бессмысленного и беспощадного” народного бунта. Тема конференции заставляет вспомнить о пророчествах двух других великих поэтов. “Предсказание” М.Лермонтова (1830 г.)

“Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
.....
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тех
Начнет бродить среди печальных сел;
.....
Гневна, грозна – и надо бы
Громам греметь оттудова,
Кровавым лить дождям...”

И станет глад сей бедный край терзать,

И зарево окрасит волны рек...”

Реформы 1860-х годов, получившие название “освободительных”, были призваны развеять, наконец, призрак “пугачевщины” стоявший перед самодержавно-помещичьей Россией как грозное “memento mori” [по выражению известного русского историка С. М. Соловьева). Однако именно с этой задачей реформы не справились, во-первых, поскольку были вынужденными. Во-вторых, реформ оказались слишком подчиненными эгоистическим интересам дворянства, что проявилось, прежде всего в “отрезках” крестьянских земель помещикам, а выкупных платежах и сохранении на неопределенный срок полукрепостного” временно-обязанного состояния крестьян по отношению к своим бывшим владельцам... И в пореформенной России, по свидетельству Н. Некрасова (1865 г.):

“У каждого крестьянина

Душа, что туча черная

Однако казалось, что “черная туча”, давно собравшаяся над Россией, так и не разразится очистительной грозой. Именно это породило в общественном сознании второй половины XIX в. устойчивые стереотипы о “долготерпении” русского человека, как особом национальном качестве, его ментальности, чуть ли не богоданности” ... Или, напротив, о его рабской покорности судьбе, условиям, властям, о его неспособности к активному протесту. Вспомните, чеховского Ивана Ивановича из “Крыжовника” (1898 г.) – сельского интеллигента, прождавшего всю жизнь, когда же настанет время сказать о главном:

“Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, вранье... Между тем во всех домах и на улицах тишина, спокойствие; ... ни одного, который бы вскрикнул, возмутился...”

Я уже стар и не гоюсь для борьбы, я неспособен даже ненавидеть. Я только скорблю душевно, раздражаюсь, досажую, по ночам у меня горит голова от наплыва мыслей, и я не могу спать... Ах, если б я был молод!”

В советской историографии с сожалением констатировалось, что крестьянское движение после реформы было невелико. Как известно, в 70-х годах было зарегистрировано по 36 выступлений в среднем за год, в 80-х годах – по 73, в 90-х годах – по 572. Для громадной крестьянской страны эти цифры действительно представляются небольшими, однако важнее засвидетельствованное ими постоянство, непрерывность крестьянского движения – стихийное, разрозненное, частное по поводам и мелкое по масштабам выступлений, оно никогда не прерывалось, постоянно напоминая о неблагополучии в деревне и неизбежности социальных потрясений.

Гроза разразилась в 1902 г., причем началась именно в деревне и оказалась неожиданной и для “правых”, и для “левых” – для самодержавия и для революционеров. Нужно было обладать гением Льва Толстого, его связью с русской жизнью, чтобы точно почувствовать приход нового и грозного времени. За какой-то месяц до первого революционного взрыва – 16 января 1902 г. – он пишет свое единственное письмо царю. “Любезному брату” – с такого обращения начинается письмо – Толстой говорит о главнейших проблемах в жизни 130-миллионного народа, прежде всего об устранении всего “отжившего” – самодержавия, “исключительных законов”, которые ставят рабочий народ (мы бы сказали – трудящихся) “в положение пария, не пользующегося правами всех остальных граждан”, и – главное – “уничтожения права (частной - В. Д.) земельной собственности”. Причем “ближайшей целью” должна была явиться именно передача земли тем, кто ее обрабатывает своим трудом. Письмо Толстого осталось без ответа, но жизнь очень скоро напомнила обо всем том, что в нем говорилось, начав с самого главного.

Единичные крестьянские выступления, как мы знаем, были постоянным явлением российской действительности. Новое проявилось в 1902 г. Оно состояло в том, что выступление крестьян одного селения по самому заурядному поводу (непомерно высокие цены за аренду земли и непомерно низкие цены за рабочие руки, скверные условия труда, произвол и т. п.) служило детонатором дня выступления крестьян в соседних селениях, а

эти в свою очередь детонировали выступления в других. Отмечая различия поводов выступлений, мы должны подчеркнуть, что все они уходили своими корнями в крестьянское малоземелье.

Новым и неожиданным явился также радикализм крестьянских настроений к требованиям. Многие выступления сопровождались захватами помещичьих земель, взломом хлебных амбаров и вывозом зерна, поджогами усадеб, часто принимали характер восстаний с открытым сопротивлением полиции и даже войскам. Сразу же со всей ясностью обнаружилось, что сила и масштабы крестьянского движения резко возросли, а характер радикализировался.

Ситуацию обострил недород хлебов в 1901 г., отнюдь не выходявший за обычные рамки, но в новые времена оказавшейся достаточным, чтобы вызвать в Полтавской и Харьковской губерниях социальный взрыв. Вот характерное описание крестьянских действий в телеграмме одного из пострадавших помещиков на имя министра внутренних дел (1 апреля 1902 г., Полтавская губ.): “Несколько дней совершается систематический грабеж крестьянами помещичьих хлебных запасов, грабят же неимущие. Обыкновенно являются в усадьбу поголовно целые соседние деревни с подводами, с мешками, в сопровождении жен, детей, врываются в усадьбу, требуют ключи от амбаров, при отказе отбивают замки, нагружают в присутствии хозяина подводу, везут к себе... В дома не входят, но что попадает в амбарах сверх хлеба, все забирают”.

В ряде случаев крестьяне захватывали земли и торопились их запахать и засеять в надежде, что отобрать ее не посмеют.

Материалы судебных процессов (суду было предано 1092 крестьянина) позволяют увидеть ту степень отчаяния, которая поднимала деревню на революционные действия, на прямые столкновения с карательными силами:

“...Когда потерпевший Фесенко обратился к толпе, пришедшей его грабить, с вопросом, за что они хотят его разорить, обвиняемый Зайцев сказал “У тебя одного 100 десятин, а у нас по 1 десятина* на семью. Попробовал бы ты прожить на одну десятину земли...”

* 1 десятина – 1,09 гектара

обвиняемый... Киян: “Позвольте рассказать вам о нашей мужичьей, несчастной жизни. У меня отец и 6 малолетних (без матери) детей и надо жить с усадьбой в 3/4 десятины и 1/4 десятины полевой земли. За пастьбу коровы мы платим... 12 руб., а за десятину под хлеб надо работать 3 десятины уборки. Жить нам так нельзя, – продолжал Киян. – Мы в петле. Что же нам делать? Обращались мы, мужики, всюду... нигде нас не принимают, нигде нам нет помощи”;

свидетель “... показывает, что он на всех сборищах крестьян... всегда слышал одни и те же возгласы: “У нас нет хлеба, нет земли...”

Высокопоставленный сенатский чиновник писал в Министерство юстиции: “Присматриваясь к длинному ряду лиц, проходящих перед моими глазами на суде, – прислушиваясь к их показаниям и говору, я выношу убеждение, что крестьяне уstraшены, но вовсе не убеждены. Крестьяне меня поражают еще и не замечаемой в годы моей бывшей службы на местах не то своей одичалостью, не то особой сосредоточенностью. Во всяком случае, недоверчивость к начальству, полная от него отчужденность проглядывается во всем”.

Наблюдение о глубоком изменении настроения и поведения крестьян, об их “полной отчужденности” в отношениях с “начальством”, с властью, подтверждается другими свидетельствами, а, главное, последующим ходом событий. В 1902 г. на историческую сцену открыто выступил новый крестьянин - крестьянин эпохи революции.

Полтавская и Харьковская губернии, выделявшееся помещичьим засильем и крестьянским малоземельем, сыграли решающую роль в событиях 1902 г. За март – начало апреля крестьянское движение охватило здесь 165 селений, оказались разрушенными 105 помещичьих экономий. Движением было подавлено с использованием войск. Случались и прямые столкновения, и огнестрельные залпы по толпе с убитыми и ранеными.3

Волна крестьянских выступлений в 1902 г. прокатилась и по другим губерниям Украины и России, отмечавшимся высокой концентрацией помещичьего землевладения – Киевской, Черниговской, Орловской, Курской, Саратовской, Пензенской, Рязанской... Всюду отмечались небывалые раньше решимость в поведении крестьян и радикализм их требований.

Социальный взрыв 1902 г. не был напрасным и бесследным. Самодержавие начало “уступки” крестьянству: в феврале 1903 г. было провозглашено обещание облегчить выход из общины, в марте ликвидирована круговая порука общинников, в августе 1904 г. отменены, наконец, телесные наказания крестьян – позорный пережиток крепостного рабства.

В России начиналась крестьянская революция, на основе которой разворачивались все другие социальные и политические революции, включая большевистскую революцию в октябре 1917 г.

Деревенские события 1905 – 1907 гг. освещены в исторической литературе весьма обстоятельно и это позволяет ограничиться указанием на наиболее важные темы доклада моменты. Движение началось в феврале 1905 г. в той же черноземной полосе (на этот раз с Курской, Орловской и Черниговской губерний), и опять же с изъятия хлебных запасов в помещичьих экономиях и распределения среди населения окрестных сел, которое в очередной раз встреча весну впроголодь. Первые группы “арестованных” грабителей на вопрос властей: “Чего вы хотели?” Отвечали: “Мы хотели и хотим есть”. Однако в марте-апреле с приближением времени посевных работ стало быстро расти число самочинных захватов помещичьих земель (иногда и рабочего скота вместе с пахотными орудиями) и распределения среди крестьянских хозяйств для полевых работ.

Осенью 1905 г. крестьянское движение охватывало свыше половины Европейской России, практически все регионы помещичьего землевладения. Всего за 1905 г. было зарегистрировано 3228 крестьянских выступлений, за 1906 г. – 2600, за 1907 г. – 1337. Современники говорили о начавшейся в России крестьянской войне против помещиков, за передачу всей земли тем, кто ее обрабатывает своим трудом. “Лозунгом восставших ... служила идея о принадлежности всей земли крестьянам”, – писал Николаю II министр земледелия С. Ермолов, оценивал деревенские события весны 1905 г. Помещик, который понял к чему идет дело и попытался вырубить принадлежавший ему лес, крестьяне это запретили: “Не смей! Все наше! И земля наша, и лес наш!...” Появление карательных сил встречало всеобщее сопротивление: “Берите всех...”, “Бейте нас, стреляйте, не уйдем...”, “Все равно земля наша!”

Крестьянская убежденность в том, что земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает своим трудом, в 1905 г. не только проявилась в массовых захватах помещичьих земель, но и породило программное политическое требование их полной и безвозмездной конфискации. Два обстоятельства способствовали быстрому формированию самой радикальной программы крестьянской революции. Во-первых, основные революционные действия, особенно захват помещичьих земель проводились вполне легитимными органами общинного самоуправления: решение (“приговор”) принималось на сельском сходе большинством голосов. Община, служившая средством подчинения деревни государственному управлению, являвшаяся традиционной опорой самодержавия, “вдруг” стала действовать как революционно-демократическая организация крестьян в борьбе с помещичьим землевладением, способная к тому же сразу распределить захваченные земли и включить их в производственный процесс. Больше того, в ряде мест осенью 1905 г. крестьянская община присваивала себе всю власть и даже объявляла о полном неподчинении государству. Наиболее ярким примером может служить Марковская республика в Волоколамском уезде Московской губернии, просуществовавшая с 31 октября 1905 г. по 16 июля 1906 г.

Во-вторых, начавшееся с осени 1905 г. составление наказов депутатам, избираемым в Государственную думу, послужило для деревни небывалой политической школой – школой осмысления своего положения в обществе и формулирования своих требований к обществу. Это положение оценивалось в наказах такими словами, как “разорение”, “нужда”, “голод и холод”, “несчастное”, “безнадежное”, “подневольное”, “угнетенное”... Эти требования в конечном итоге сводились к одному: “чтобы вся земля немедленно была объявлена собственностью всего народа” и бесплатно передана “в уравнительное пользование” тем, кто трудится на ней.

Крестьянская революция в России двигалась именно к такому решению аграрного вопроса. Захваты помещичьих земель стали сопровождаться разгромами усадеб, чаще всего сожжением строений и уничтожением хозяйственного имущества. Вот характерные для осени 1905 г. сообщения: “Свыше ста усадеб... разгромлено и сожжено; уничтожен весь инвентарь и скот” (Курская губерния), “Горизонт в многочисленных заревах...” (Тамбовская губерния), “Каждую ночь видны зарева пылающих экономий...” (Киевская губерния)... Сбывалось лермонтовское предсказание: “И зарево окрасит волны рек”.

По разным подсчетам за 1905 – 1907 гг. в Европейской Россия было уничтожено от 3 до 4 тыс. дворянских усадеб – от 7 до 10 % их общего количества. По числу разгромленных помещичьих усадеб выделились Саратовская, Самарская, Тамбовская, Курская, Киевская и Черниговская губернии.

Разгром помещичьих усадеб не был всего-навсего вандализмом. Крестьяне, по их собственным словам, сжигали жилые и хозяйственные строения для того, чтобы выдворить помещика из деревни хотя бы на два-три года, чтобы не допустить размещения там отрядов карателей... Конечно, невозможность удержать захваченное и жажда мщения за все прошлое также имели значение. Придет 17-год и разгромы помещичьих усадеб станут осознанным средством крестьянской революции в борьбе против помещиков.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что основные компоненты в механизме революционного насилия, направленного на ликвидацию помещичьего господства в деревне, сложились уже ходе первой революции. В нем, однако, не было тогда физически истребления противника, не было крови. Свидетельства самые различные, в том числе из органов государственного управления, отмечали: “людей не убивают” (Саратовская губерния); “полное отсутствие случаев насилия над личностью, как самих землевладельцев, так и экономических служащих” (Тамбовская и Воронежская губернии)...

Кровь лилась тогда исключительно одной стороной – лилась кровь крестьян при проведении карательных акций полицией и войсками, при исполнении смертных приговоров “зачинщикам” выступлений.

Беспощадная расправа с крестьянским “самоуправством” стала первым и главным принципом государственной политики в революционной деревне. Вот типичный приказ министра внутренних дел П. Дурного киевскому генерал-губернатору. “...немедленно истреблять, силою оружия бунтовщиков, а в случае сопротивления – сжигать их жилища... Аресты теперь не достигают цели: судить сотни и тысячи людей невозможно”. Этим указаниям вполне соответствовало распоряжение тамбовского вице-губернатора полицейскому командованию: “меньше арестовывайте, больше стреляйте...” Генерал-губернаторы в Екатеринославской и Курской губерниях действовали еще решительнее, прибегая к артиллерийским обстрелам взбунтовавшегося населения. Первый из них разослал по волостям предупреждение: “Те села и деревни, жители которых позволят себе какие-либо насилия над частными экономиями и угодьями, будут обстреливаемы артиллерийским огнем, что вызовет разрушения домов и пожары”. В Курской губернии также было разослано предупреждение, что в подобных случаях “все жилища такого общества и все его имущество будут... уничтожено”.

Выработался определенный порядок осуществления насилия сверху при подавлении насилия снизу. В Тамбовской губернии, например, каратели по прибытии в село собирали взрослое мужское население на сход и предлагали выдать подстрекателей, руководителей и участников беспорядков, возвратить имущество помещичьих экономий. Невыполнение этих требований часто влекло за собой залп по толпе. Убитые и раненые служили доказательством серьезности выдвинутых требований. После этого, в зависимости от выполнения или невыполнения требований, или сжигались дворы (жилые и хозяйственные постройки) выданных “виновных”, или деревня в целом. Однако тамбовские землевладельцы не были удовлетворены импровизированной расправой с восставшими и требовали введения военного положения по всей губернии и применения военно-полевых судов.

Повсеместно отмечалось широкое применение телесных наказаний населения восставших сел и деревень, отмеченных в августе 1904 г. В действиях карателей возрождались нравы и нормы крепостного рабства.

Иногда говорят: смотрите, как мало убила царская контрреволюция в 1905 – 1907 гг. и как много – революция после 1917 г. Однако кровь, пролитую государственной машиной насилия в 1905-1907 гг. нужно

сопоставлять, прежде всего, с бескровностью Крестьянских выступлений того времени. Абсолютное осуждение казней, творимых тогда над крестьянами, которое с такой силой прозвучало в статье Л. Толстого “Не могу молчать”, было единственным моральным.

Естественным результатом вооруженной расправы было углубление противостояния между крестьянством и властью, крестьянством и официальным обществом в целом, прежде всего господствующими сословиями. То “отчуждение” крестьян от “начальства”, которое заметил сенатский чиновник на судебных процессах в 1902 г., теперь отмечалось многими свидетелями в самых различных районах страны. Оно приобрело всеобщность не только территориальную, но и содержательную, начало преодолевать ограниченность земельной темой. Среди деревенских частушек, записанных в разных районах страны в 1908 – 1914 гг., были и совсем не связанные с земельной темой. Например, такая:

“Бога вот, царя не надо,
Губернаторов побьем,
Податей платить не будем,
Сами в каторгу пойдем”.

Подавление революции вооруженной рукой сопровождалось запоздалыми правовыми “уступками” крестьянству, включающими прекращение с 1907 г. выкупных платежей за “освобождение” от крепостного права (иначе их взимание продолжалось бы до 1930 г.); созданием Государственной думы – псевдопарламента, где все же в 1906 – 1907 гг. крестьянские депутаты смогли заявить о действительных нуждах и интересах деревни; а, главное, аграрной реформой П. А. Столыпина, направленной на разрушение общины и передачу общинных земель в частную собственность отдельных общинников. Все эти меры, особенно аграрная реформа, могли бы существенно изменить ситуацию в России, будь они проведены лет 20 – 25 раньше (когда они были предложены Н. Х. Бунге), но после 1905 г. было уже поздно. Столыпинская реформа слишком откровенно была направлена на сохранение помещичьего землевладения, расчистки крестьянских земель от “слабых” до “сильных”, слишком очевидным был при этом административный нажим на крестьян. Десятки и сотни тысяч обездоленных выбрасывались из деревни в город, который не мог их принять, или отправлялись столыпинскими переселенцами в далекие края, где слишком многие оказывались еще в худшем положении, возвращались “обратниками” вконец разоренными и отчаявшимися. К ним следует добавить массы “иностранного” крестьянства в казачьих областях и ряд других категорий сельского населения.

Все они – и те, кто оказался в городе, и те, кто остался в деревне в состоянии скрытого аграрного перенаселения, сыграют активную роль в новой революции и внесут не малую долю насилия в грядущие события.

Первая мировая война (1914 – 1918 гг.), в которой Россия не могла не участвовать, обрекли широкие слои населения, особенно в деревне, на крайние бедствия, отчаяние и озлобление... 1917 г. становился неотвратимым.

К общим тяготам войны, падавшим в крестьянской стране на плечи именно крестьянского населения, добавился продовольственный кризис и вместе с ним принудительные заготовки сельскохозяйственной продукции. Уже в августе 1915 г. были введены твердые цены на хлеб для правительственных закупок (на военные нужды). В декабре 1916 г. кризис правительственных заготовок заставил встать на путь хлебной разверстки, проводя распределение необходимого государству количества хлеба между губерниями, селениями хозяйствами в качестве обязательств на его поставку. Такая разверстка государственной потребности по территории страны приводила к тому, что хлебными поставками обязывались и незерновые губернии – Вологодская, Новгородская, Костромская и др. В хлебопроизводящих же районах разверстка сразу оказалась непосильной для крестьянских хозяйств. Со всей определенностью об этом заявила Тамбовская губернская земская управа, потребовавшая снижения поставок: “Не считая себе вправе сознательно вести население к бунту и голоду, губернская управа не находит возможным производить разверстку в указанных министром земледелия размерах”.

И твердые цены, и продрозверстка, и даже созданная тогда “хлебармия” не смогли решить задачи из-за своей частичности, ограниченности закупками на военные нужды. Держатели хлебных запасов, имевших рыночное значение, предпочитали спекулировать, добиваясь безудержного роста цен, усугубляя продовольственные трудности для неимущих слоев населения, как в городе, так и в деревне. Лозунг “Хлеб голодным!” стал одним из главных в русских революциях 1917 г. – и Февральской, и Октябрьской. Созданное Февральской революцией Временное правительство должно было начать именно с продовольственного вопроса – с введения государственной хлебной монополии, что означало и установление твердых цен, и передачу всего хлебного запаса (кроме необходимого для продовольствия и хозяйственных нужд владельца) государству через посредство его продовольственных органов. Закон, принятый 25 марта 1917 г. имел вполне большевистское название “О передаче хлеба в распоряжение государства”. Однако слишком тесная связь с эгоистическими интересами крупных землевладельцев и торговцев, непоследовательность и нерешительность действий Временного правительства привели к тому, что хлебная монополия и передача хлеба в распоряжение государства на деле осуществлены не были. Провал заготовок из урожая 1917 г. стал очевидным сразу. Уже 20 августа Министерство продовольствия разослало на места директиву: “В случае нежелания сдавать хлеб должны быть применены меры принудительные, в том числе вооруженная сила”. И сила эта применялась, когда сдавать хлеб отказывались крестьяне.

К осени 1917 г. продовольственный кризис охватил практически всю территорию Европейской России, включая фронт. Голод стал реальным и наиболее сильным фактором развития событий по стране в целом⁵.

В сфере собственно аграрных отношений революционный процесс как динамика двух встречных насилий от февраля до октября 1917 г. развертывался в тех же направлениях и формах, как в 1905 -1907 гг., однако масштабы и темпы события, их организованность и сила возросли в огромной степени. Захваты помещичьих земель и разгромы усадеб начались в марте-апреле, местами (например, в Ранненбургском уезде Рязанской губернии) к началу полевых работ основная масса помещичьих имений была сметена. Фактическим захватом части помещичьих земель было прекращение выплаты крестьянами арендной платы, осуществленное и повсеместно. Крестьянское отрицание прошлого стало предельным. Оно находило выражение, прежде всего, в стремлении смести помещичьи имения так, “чтобы некуда (им) было возвращаться, ... чтобы не были они здесь совсем”. И теперь при разгроме усадеб крестьяне не останавливались перед расправой с владельцами, если они оказывали сопротивление.

Программа крестьянской революции, появившаяся в 1905 г., приобрела еще большую определенность в массовую поддержку деревни. Написанные в мае 1917 г. указы депутатам Всероссийского съезда крестьянских Советов требовали полного и немедленного уничтожения частной собственности на землю и передачи ее в трудовое пользование на равных началах. Неопределенность позиции Временного правительства и затягивание с выборами Учредительного собрания привели к тому, что крестьянская революция стала решать вопрос о земле самостоятельно.

Революционный напор сдерживался лишь сельскохозяйственными работами. Даже небольшая пауза между сенокосом и уборкой хлебов в июле сразу дала почти 2 тыс. официально зарегистрированных выступлений, связанных с нарушением земельных порядков. Настоящая крестьянская война развернулась с окончанием работ – в конце августа-сентябре. С 1 сентября по 20 октября было зарегистрировано свыше 5 тыс. выступлений. Основная масса их приходилась на районы помещичьего землевладения – черноземный центр, Среднее Поволжье и Украину, а также Белоруссию, Смоленскую, Калужскую, Тульскую, Рязанскую и Московскую губернии. Эпицентром нового социального взрыва оказалась Тамбовская губерния. 3 сентября власть на ее территории перешла в руки крестьянского Совета, 11 сентября Совет опубликовал “Распоряжение №3” которым все помещичьи хозяйства передавались в распоряжение местных Советов, вместе с землей на учет бралось (фактически конфисковывалось) все хозяйственное имущество.

Требования крестьянских наказов стали осуществляться до принятия 26 октября 1917 г. ленинского декрета “О земле”, включавшего в себя соответствующий раздел сводного наказа. И без этого декрета к весне 1918 г. они были бы реализованы крестьянской резолюцией по всей России, но с более ожесточенной и разрушительной борьбой в самой деревне. Декрет “О земле” и принятый на его основе в феврале 1918 г. закон “О социализации Земли” снимали накал стихийной борьбы и вносили определенный порядок в практику конфискации и

распределения помещичьих, а вслед затем и перераспределения всех сельскохозяйственных земель, включая крестьянские. Однако узаконение конфискации и перераспределения помещичьих земель не смогло остановить разгромы усадеб, растаскивания имущества, причем не только производственного. В разгромной волне, начавшейся весной 1917 г. и не остановившейся осенью, исчезли все сколько-нибудь развитые формы аграрного капитализма, в том числе и многие культурные хозяйства, имевшие большую ценность. Погибали богатейшие библиотеки, собрания произведений искусства, особенно живописи и скульптуры.

Волна крестьянского насилия отозвалась ответной волной предельного ожесточения “бывших”, ставших в массе своей социальной основой белой гвардии. Не многие могли подняться тогда до нравственного и интеллектуального уровня Александра Блока, не воспылавшего ненавистью ни к тем, кто сжег его библиотеку вместе с домом в Шахматово, ни к революции как таковой. В своей знаменитой статье “Интеллигенция и революция” (9 января 1918 г.) он даст нравственное истолкование крестьянских разгромов помещичьих усадеб.

“- Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? – Потому, там насильовали и пороли девок; не у того барина, так у соседа.

- Почему валят столетние парки? – Потому, что сто лет под их развесистыми липами и кленами господа показывали свою власть; тыкали в нос нищему – мощной, а дураку – образованностью...”

(Отметим же, что такие памятники культуры, как толстовская Ясная Поляна, тютчевское Мураново и многие другие самими крестьянами охранялись от погромов.)

Крестьянство смело систему самодержавно-помещичьего насилия и реализовало свой идеал уравнительного трудового пользования землей, отдав власть в стране поддержавшим его большевикам. Однако стихийная революционность крестьянства и революционно-преобразующие устремления большевизма имели разнонаправленные векторы и стали резко расходиться с весны 1918 г., когда ситуация катастрофически нарастающего голода в городе потребовала хлеб от деревни. Хлебная монополия с неизбежностью перерастала в продовольственную диктатуру для действительной “передачи хлеба в распоряжение государства”. В мае-июне 1918 г. была проведена полная централизация продовольственного дела с предоставлением чрезвычайных полномочий Народному Комиссариату продовольствия; объявлен “крестовый поход” городских рабочих в деревню для борьбы против сельской буржуазии, помощи бедноте и проведения хлебных заготовок; началось создание комитетов деревенской бедноты в целях ее организации, усиления политической роли (вплоть до подчинения комбедам сельских и волостных Советов) и снабжения продовольствием за счет излишков, изымаемых у других.

Массовая посылка рабочих продотрядов в деревню для изъятия хлебных излишков и форсирования социального раскола крестьянства извне и сверху означали глубочайший перелом в развитии русской революции. С этого момента революция в городе и деревне – пролетарская и крестьянская, – слившиеся в единый поток осенью 1917 г., стали расходиться по своим целям и средствам. Прямая угроза со стороны общего врага – белой контрреволюции заставляла соединять свои силы, но нарастающий продовольственный кризис, борьба за хлеб вновь и вновь ставили естественных союзников лицом к лицу. Это противостояние города и деревни не было и не могло быть абсолютным, поскольку в самой деревне имелось немало нуждающихся в хлебе и прямо голодающих. Беднота не могла исчезнуть сразу после раздела помещичьих земель, а голод не ждал. Большевистская политика находила определенный отклик в деревне – и там были активные сторонники Советской власти, комбедовцы, коммунары.

Протесты вызывались безобидным характером заготовок, произволом при определении излишков, непосильностью для крестьянских хозяйств предъявляемых требований, широким использованием грубой силы. Осенью 1918 г. “крестовый поход” продотрядов за хлебом и деятельность комбедов вызвали волну крестьянских восстаний, прокатившуюся по всей территории Советской России.

Подавление крестьянских восстаний с самого начала проводилось со всей решительностью, не останавливаясь перед применением военной силы и казней. Оправданием суровой бескомпромиссностью и даже жестокости служили реальная угроза голода для миллионов людей и условия начинавшейся гражданской войны, на

фронтах которой решались судьбы революции. Соответственно этому большевистская идеология определяла смысл борьбы за хлеб как борьбу за социализм, трактовала крестьянские протесты против насильственного изъятия хлеба как “кулацкие”, а попытки вооруженного сопротивления как “бандитизм”. Вся эта терминология прочно вошла в официальный язык и всю советскую документацию 1918 – 1922 гг.

Тем не менее, уроки крестьянских восстаний второй половины 1918 г. не прошли бесследно. Они привели к ликвидации комбедов и отказу власти от попытки опереться исключительно на “сельский полупролетариат” – деревня оставалась крестьянской. Комбеды были слиты с сельскими и волостными Советами и таким образом повысили в них влияние бедноты, тесно связанной с большевиками. Одновременно (с января 1919 г.) стихия продовольственных заготовок рабочими продотрядами заменяется единой системой продовольственной разверстки, осуществленной в общегосударственном масштабе. промышленными товарами на основах прямого (не торгового) распределения. В этом состояла одна из главных идей “военно-коммунистической” организации экономической жизни. Однако разрушенная многолетней войной промышленность не могла удовлетворять нужд деревни. “Военно-коммунистическая политика” в деревне сразу же свелась к изъятию в крестьянских хозяйствах продовольствия, необходимого для полуголодного существования армии и городского населения, остатков промышленности. Продразверстка провела основную линию раскола между революциями города и деревни. Мобилизация на военную службу, разного рода повинности (трудовая, гужевая и др.), попытки прямого перехода к социализму на путях организации коллективного землевладения еще более усиливали противостояние крестьянства и власти.

Военный характер советской политики того времени проявлялся не только в том, что это была политика военного времени, но и в том, что ее осуществление опиралось на применение военной силы. Фактически продразверстка проводилась продармией, находившейся в подчинении Народного Комиссариата продовольствия, но и организованной и действующей по принципам регулярной армии. Соответственно и сопротивление деревни, в конечном счете, принимало форму вооруженных выступлений.

Крестьянские восстания против продовольственной разверстки, против разных мобилизаций и повинностей, против попыток коллективизации в 1918 – 1920 гг. были постоянным явлением, общим фоном. В деревне возникло “зеленое” движение – партизанские образования, боровшиеся и против “белых”, и против “красных”, “желто-голубых” и т. п. Однако, как ни сложно складывались отношения большевиков и крестьян, они выдержали удары контрреволюции. Миронов на Дону, Махно на Украине, Мамонтов в Сибири и многие другие герои гражданской войны на самом деле были вождями крестьянской революции, которая явилась одним из главных факторов победы над контрреволюцией.

Ожесточенное противоборство социальных сил в гражданской войне дополнялось специфическим насилием воюющих армий (любой политической окраски) над мирным населением, особенно в деревне: самочинные реквизиции и прямые грабежи, разорявшие хозяйства, все формы физического насилия над личностью, причинявшие особенно мучительные страдания людям.

Повседневное и всеохватывающее насилие стали пронизывать отношения деревни с “внешним миром” и это сыграло самую важную роль в трансформации крестьянской революции в крестьянскую войну против большевистского режима. Эта война охватила всю территорию страны в виде отдельных частных выступлений и столкновений с властями. Однако основным театром боевых действий стали хлебопроизводящие районы, очередность которых определялась близостью к центру и движением фронтов гражданской войны: Чапанная война в Среднем Поволжье и Вешенское восстание на Дону весной 1919 г., Вилочное восстание в Среднем Поволжье весной 1920 г., а вслед за ней Махновщина в Черноземном центре с осени 1920 г., а вслед за ней Махновщина на Украине и Западно-Сибирское восстание, продолжавшееся до конца 1921 г., а местами и в 1922 г. Мятежи воинских соединений Миронова, Григорьева, Сапожкова и ряда не столь известных военачальников также целиком вмещаются в рамки крестьянской войны и по характеру, и по целям.

Исторически не случайно, что именно крестьянство тамбовского черноземья, с такой яростью громившее помещичьи имения в 1905 г. и первыми начавшее аграрную революцию в 1917 г., оказалось наиболее активным и решительным в борьбе против “военного коммунизма”.

Силой обстоятельств гражданской войны Тамбовская губерния стала одной из главных продовольственных баз республики. Близость к центру и относительная удаленность от основных фронтов привела к перемещению сюда продовольственных заготовок, а вместе с ними и всего комплекса острейших проблем в отношениях между крестьянством и государством. Уже осенью 1918 г. “хлебная” Тамбовщина испытала на себе всю тяжесть продовольственной диктатуры и “крестового похода” за хлебом. Сюда прибыли 50 рабочих продотрядов из Москвы, Петрограда, Череповца и других городов. В крестьянских восстаниях против насильственных заготовок хлеба приняло тогда участие до 40 тыс. человек. Так возникло повстанческое движение, находившееся выражение в постоянных вспышках мятежей в отдельных селениях и появлением в лесных районах боевых групп и партизанских отрядов, именуемых в советской документации “бандами”. Среди последних в начале 1919 г. появляется “банда” А.С. Антонова, активно участвовавшего в революционной борьбе с 1905 г. Динамика повстанческого движения очень точно отражала ход продразверсточных кампаний, становившихся все более непосильными и трудными.

С отказа сдавать хлеб и разоружения продотрядов, появившихся в деревне в августе 1920 г. и началась антоновщина как массовое движение. Огонь восстания распространился по губернии, как по сухой соломе, с непостижимой для местных властей быстротой. Партизанский способ ведения боевых действий повстанцев, успевавших под натиском красноармейских частей скрыться и просто раствориться в крестьянской среде, пульсирующий характер движения обеспечивали успех на первых порах. Не вызывает сомнений хорошая организация повстанцев, образовавших своеобразную “крестьянскую республику” на территории Кирсановского, Борисоглебского, Тамбовского уездов с центром в с. Каменка, Вооруженные силы А. С. Антонова сочетали принципы построения иррегулярной армии (2 армии в составе 21 полка, отдельная бригада) с регулярными вооруженными отрядами. Эта структура не отличалась прочностью, между “атаманами” зачастую шла обычная для подобных формирований борьба амбиций. Но до поры до времени это компенсировалось инициативностью командиров, гибкой партизанской тактикой внезапных атак и стремительных отходов.

В целом организация и руководство антоновцев оказались достаточными для успешных военных действий партизанского типа в условиях трех лесных уездов Тамбовщины – при наличии прекрасных природных укрытий, при теснейшей связи с населением и его всемерной поддержке, при отсутствии необходимости в глубоких тылах, обозах и т.п. Конкретность и наглядность целей и результатов военных действий повышали боевой дух армии и привлекали к ней новые силы: число бойцов в антоновском войске в феврале 1920 г. достигло 40 тыс. Но это был предел. К началу мая их численность сократилась до 21 тыс., как в результате начавшихся решительных действий Красной Армии, так и в связи с наступлением весенней страды. В “Двухнедельник добровольной явки бандитов” (конец марта – начало апреля) явилось и в массе разошлось по домам до 6 тыс. антоновцев.

Попытки выйти за локальные рамки, призывы к всероссийскому восстанию крестьян оказались тщетными. Сказались и личные качества лидеров; их вождистская претензионность и ограниченность кругозора. Главным, однако, было другое: антоновцы были силой только в своих уездах, рядом с родным домом. Когда же теснимые войсками под командованием М. Н. Тухачевского антоновские армии оказались в Пензенской губернии, то были разбиты в первом же бою. Отход в Саратовскую губернию ничего не изменил: новый бой и новый, но на этот раз полный, разгром. Антоновщина – типичное крестьянское восстание с типичным финалом – военным разгромом при выходе из родных мест.

Было бы глубоким заблуждением идеализировать крестьянскую войну. Она несла существенный урон экономике Тамбовщины. Повстанцы уничтожали средства связи, портили железные дороги, громили совхозы и коммуны, с особой яростью убивали коммунистов и советских работников из крестьян. Объективно говоря, по части жестокости обе стороны не уступали друг другу, а жестокость остается жестокостью, от кого бы она ни исходила.

Важнейшим рубежом в цепи событий стал февраль 1921 г. К этому времени повстанческое движение достигло наибольшего размаха, стало находить отклик в пограничных уездах Воронежской и Саратовской губерний.

С того же времени перешла к решительным действиям против антоновцев и Советская власть. Ликвидация фронтов против Польши и Врангеля позволяла ей двинуть на Тамбовщину крупные и боеспособные воинские контингенты, технику, включая артиллерию, бронечасты, самолеты. Изменилась и тактика действий против повстанцев. Вместо отдельных, не связанных единым планом операций, была создана четкая структура военного управления. Численность правительственных войск быстро растет: к началу января 1921 г. она приближалась к 12 тыс. человек, к началу марта – превысила 40 тыс., а к началу июня – была уже более 100 тысяч.

Инерция войны не только продолжала диктовать поведение обеим сторонам, но еще более ожесточила, довела до крайней степени их противоборство. В мае начался военный разгром антонщины. Стратегия этого разгрома состояла в полном и жестком осуществлении военной оккупации повстанческих местностей, установлении назначенного сверху управления, включавшего в свой состав представителей армии и чека, уничтожении хозяйств и домов участников, взятие заложников (одиночками и целыми семьями), создание концентрационных лагерей и репрессии вплоть до расстрела за неповиновение, укрывательство “бандитов” и оружия.

Ужасен был приказ № 171 от 11 июня 1921 г., вводивший расстрелы заложников в “бандитских” селах до полного подчинения и выдачи “бандитов” и активного участия против “бандитизма”. Без расстрелов ничего не получится. Расстрелы в одном селении на других не действуют, пока в них не будет проведена такая же мера, – утверждали участники борьбы с антоновщиной.

Методы подавления крестьянского восстания, особенно приказ № 171 вызвали протест и в высших слоях большевистского руководства. 18 июля приказ был отменен. Однако, как свидетельствуют впервые открывающиеся документы, и в дальнейшем – вплоть до глубокой осени 1921 г. – применялись и расстрелы за неповиновение, и артиллерийские обстрелы, и даже газовые атаки мест скопления вооруженных сил антоновцев.

Новые документы обнаруживают необычные обстоятельства, подчеркивающие подлинный трагизм ситуации: в противоборстве оказались армии, одинаковые по составу: крестьянские, одинаково организованные (включая комиссаров, политотделы и т. п.), присягавшие красному знамени, как знамени революции, боровшиеся “За победу настоящей революции !” ...⁷ И между этими армиями вооруженная борьба в обществе достигла наибольшего накала, стала борьбой на взаимное уничтожение. Сбывалось некрасовское предчувствие: “Кровавым лить дождям...”

Большевики со свирепой жестокостью подавили и “антоновщину” в Тамбовской губернии, и “махновщину” на Украине и все другие крестьянские мятежи, однако и сами должны были отказаться от немедленного “введения” социализма и, главное, удовлетворить основные требования деревни – отказаться от продовольственной разверстки, ввести НЭП, признать особые интересы и права деревни. Земельный кодекс РСФСР, принятый в декабре 1922 г. закрепили итоги осуществленной самим крестьянством аграрной революции. Социалистическое земельное законодательство 1918 – 1920 гг. было отменено. Решение земельного вопроса вновь приводилось в соответствие с требованиями крестьянского наказа 1917 г. Можно было бы сказать, что крестьянская революция победила, однако эта победа оказалась равносильной поражению, поскольку крестьянство не смогло создать отвечающую его интересам государственную власть, поскольку демократические возможности сгорели в огне гражданской войны, поскольку из жесточайшего столкновения насилий выростала государственная диктатура.

Автор:

Данилов Виктор Петрович

Доктор исторических наук института российской истории РАН, профессор.

с 1992 года до конца жизни руководил группой по истории аграрных преобразований в России XX века

За цикл монографий и документальных публикаций по истории российской деревни советского периода в 2004 году был награждён Золотой медалью имени С. М. Соловьёва РАН.

Общее число научных публикаций превышает 250. В т.ч.

* Крестьянская революция в России, 1902-1922 гг. Из материалов конференции "Крестьяне и власть", Москва-Тамбов, 1996, стр. 4-23.

* Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы в 4 томах. / Т.1-3. М., 1998 - 2003. (Соредактор и составитель);

* Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах. 1927-1939. / Т.1 - 5. М., 1999-2004. (Соредактор и составитель);

* Аграрная реформа в постсоветской России (взгляд историка) // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М., 1994;

* Падение советского общества: коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот? // Куда идет Россия?..

Скончался 16 апреля 2004 года в Москве в возрасте 79л, похоронен на Востряковском кладбище